



Екатерина РУДИК

УТОМЛЕННЫЕ СОЛНЦЕМ

**Книга белая.
Все тайны в нас**

Каждая человеческая судьба неповторима и в некотором роде уникальна, как у А.Ф.Шпилько – одного из сотни тысяч бывших фронтовиков-дальневосточников. Но мы не станем рассказывать о его боевом и жизненном пути. А вместе с Александром Феоктистовичем вспомним Хабаровск военных лет, каким он запечатлелся в памяти молодого красноармейца в 1944 году и до Дня Победы.

Пассажирский пароход «Ильич», дымя трубой и неустанно шлепая колесом по амурской волне, шел до Николаевска семь суток. Но на вторые сутки молоденький сержант, недавний командир роты автоматчиков Александр Шпилько, возвращавшийся с войны, обнаружил, что вещмешок разрезан и довольствие, полученное в Хабаровске на пересыльном пункте, – буханка хлеба и банка тушенки исчезли. В вещмешке осталась лишь дюралевая расческа, подарок для мамы. В третьем палубном классе набилось человек сто. Искать воришку бесполезно. Пришлось все дни трюмной жизни довольствоваться бесплатным кипятком.

Эту поездку Александр предпринял, чтобы уверить родителей, что - жив. Правда, не совсем здоров – инвалид. Да еще не известно, когда свидятся. Свои планы на мирную жизнь, - а то, что войне скоро конец, сержант ни на миг не сомневался, - он связывал только с Хабаровском. С трудоустройством были сложности, а как им не быть, если у Шпилько один рукав гимнастерки в кармане. И все-таки в полюбившемся городе на Амуре работу себе нашел и записался в 8-й класс вечерней школы № 34.

Шел 1944-й год. После огненных дорог Курской дуги Хабаровск, хотя жил по законам военного времени, но с его патриархальной тишиной, буйными цветниками показался сержанту маленьким раем. Шпилько обошел весь город с дымящимися днем и ночью трубами заводов им. Молотова, Орджоникидзе. Насчитал пять деревянных мостов через речки Плюснинку и Чердымовку, столько же лестничных сходов, пешеходных мостиков, и несчетно поломанных городских тротуаров.

А первое, что предпринял фронтовик после боев и госпиталей, оказавшись в мирном городе – пошел в баню. На улице Запарина очередь в два этажа, в мужской зал народу раз в пять меньше - позже понял, почему это. Но пришлось долго ждать, когда распахнутся на дверях портьеры под бархат и банщица крикнет: «Следующий!». Из банного отделения выходили такие же красноармейцы или инвалиды, как он, или командировочные. В фойе в кадках стояли фикусы, а на влажной с подтеками стене, как ни странно, картина Айвазовского «Девятый вал». Гул от женских разговоров, ребячьей беготни заполнял тесные, темные коридоры. Запомнилась сцена: в фойе появилась женщина с грустными глазами, и визжащей девчонкой лет шести в одном тапочке. Оказывается, шли по мосту через речку, поцанка провалилась в щель – нога в кровотокащих

занозах, а тапочек унесла Чердымовка. Очередь окружила воющую девчонку, оказывая первую помощь.

Несмотря на то, что вместо мочалки приспособил кусок портянки, и, к счастью, сохранился с госпиталя обмылок, горячая вода в тазиках доставила неизъяснимое наслаждение, ведь не мылся по-настоящему, считай, с начала войны. Приглядевшись к остальным, понял, почему так долго моются хабаровчане. И тоже украдкой, чтоб не заметила банщица - было запрещено, постирнул бельишко, когда еще в таком изобилии будет горячая вода. Выходя из городской бани, почти счастливый, удивился, девчонка, как ни в чем не бывало, уже прыгала и скакала с перевязанной ногой и одним тапочком в руках.

Только позже, вникнув в городскую жизнь, открыл для себя, население Хабаровска составляли в основном – женщины-красноармейки и дети, чьи отцы на войне. Воспитанные на нужде, пацаны бойко торговали водой, цветами, добывали на станции уголь. Из мужчин - командировочные да инвалиды, досрочно вернувшиеся с боевых позиций, искалеченные, с культяшкой вместо руки, как у него. Без ног на тележках. И все жаждали лишь один бесценный продукт - хлеба.

За одну буханку с базара нужно было выложить его месячную пенсию по инвалидности, 220 рублей. Льгот бывшие красноармейцы не имели и с вечера занимали очередь за хлебом. Пайки жестко регламентировались: детям и безработным – 300 граммов в сутки, служащим – 600, рабочим – 800 граммов, по государственной, считай, копеечной цене. Ему, как ученику бухгалтера полагалось 600 граммов хлеба, но отовариться было непросто. Хабаровчане, проживающие в центре города от речки до речки могли получить хлеб всего в трех хлебных магазинах.

Это в декабре 1947 года, когда отменяют карточки, откроют 46 новых магазинов, киосков, ларьков, их них 29 хлебных. А до этого счастливого момента, если ночью не стоишь в очереди, и не пришел отметиться, можешь и не мечтать о пайке. Милиционеров никаких не было - за порядком следили добровольцы, самые бедовые женщины. И ни толкучки, ни потасовок. Как только подъезжала лошадь с фургончиком, сладостно пахнущим хлебом, очередь после бессонной ночи оживала, резво подтягивалась – пропускали по шесть человек. Самые сострадательные не оставались равнодушными к инвалидам, особенно к тем, кто на тележках, их пропускали в первых «шестерках». Все это видел Александр Шпилько. Раненую руку на перевязи он прятал под бушлат, а пустой рукав заталкивал в карман и в сострадании не нуждался – это такое счастье быть на своих ногах. Где-то гремит война, а здесь, вечером, в полутемном Хабаровске с керосиновыми лампами, водокачками можно пойти в «Гигант» в «Совкино», где показывали фильмы «Сердца четырех», «Броненосец Потемкин».

В столице края действовало пять театров. В музыкальной шло «Фиалка Монмартра» и «Табачный капитан». Гастролирующие Харьковский русский театр, Карело-Финский, Иркутский, Благовещенский - занимали площадку театра драмы. Первый свой театральный сезон открыл театр юного зрителя сразу тремя премьерами «Осада Лейдена» Штока, «Женитьба» Гоголя и сказкой «Хрустальный башмачок». А еще был театр клуба УНКВД. Кто был зрителем – неведомо.

Александр предпочитал Госцирк – зрелищное передовое учреждение, где на арене выступал «Карандаш», а самое замечательное в программе – французская и русская борьба. У шапито было три входа – центральный, веселый, иллюминированный цветными лампочками для зрителей на первые ряды и два боковых - полутемных с шатками, высоченными лестницами, где от людского натиска трещали перила. Оберегая руку, Александр терпеливо дожидался внизу контрамарку.

Для командира роты автоматчиков А.Ф. Шпилько знаменитой 65-й Армии, принимавшей участие в невиданных по размаху и ожесточению боях на Курской Дуге, война закончилась Городокской наступательной операцией. В дерзкой атаке командир Шпилько повел свою роту на штурм врага, укрепившегося на небольшой высотке, - потом он скажет: «Горячим был мой автомат». Разрывная вражеская пуля пронзила предплечье командира, разорвав артерию. Маскхалат надулся кровью, плетью повисла левая рука. После семи операций и полугодового лечения в госпиталях, сержанта признали негодным к воинской службе и выдали белый билет. Шел ему двадцатый год.

У паренька была одна мечта - стать курсантом школы военных техников (ШВТ), водить паровозы, но куда ему с одной рукой. Даже не приняли в Хабаровский автопарк, состоящий тогда из 30 автобусов. Все они стояли на приколе, не было запчастей, лишь два красных выходили на

линию. А техника влекла Александра. Попытался устроиться в недавно созданный «Гордорстрой» - здесь работало всего пять человек, а требовалось в десять раз больше. Город остро нуждался в благоустройстве – мосты, переходы, городские тротуары в аварийном состоянии. Чтобы привести Хабаровск в порядок, создавались Гуровские бригады. Город находящийся вдали от полей сражений не должен быть обузой у государства в трудные военные годы, благоустроить его собственными силами – с такой инициативой выступила стахановка артели «Родина», мать двух сыновей фронтовиков Устинья Гурова. В гордорстрое Шпилько снова постигла неудача. Управляющий так и сказал: «Прости, сержант, но за грейдер я тебя, однорукого, не посажу».

В вышедшем в 1944-м году постановлении Совнаркома о трудоустройстве инвалидов войны речь шла в основном о тех, кто с руками, ногами и мог стоять у станка, инвалидах 111 степени. И ничего не было сказано о таких, как Шпилько. Мало того, что война сделала его инвалидом, она лишила паренька мечты, пришлось идти в бухгалтера. И хотя места в школе военных техников для него не нашлось, ему все-таки удалось пофорсить в настоящей шинели курсанта ШВТ. Бушлат сержанта износился до крайности, а тут раздавали гуманитарную помощь. Шпилько достался неслыханный презент – бобриковое, почти новое пальто. Владелец его американец, не иначе капиталист, был явно тучным господином, так что Александр утонул в дорогой обновке. И без сожаления обменял бобрик на шинель курсанта ШВТ с блестящими пуговицами и петличками. В ней он отплясывал на танцплощадке в парке ПКО, где по выходным собиралась хабаровская молодежь, над рекой разносились звуки лирического танго «Утомленные солнцем» и ни одна девчонка не отказала ему, однорукому парнишке в робком: «приглашаю на танец».

Впрочем, когда пришла последняя военная, особенно суровая зима, сидя в не топленном классе, где даже чернила замерзали и шинелька не согревала, - из-за холода верхнюю одежду ученики не снимали, не без сожаления вспоминал бобриковое пальто.

Для получения аттестата в вечерней школе, как и в дневной, допускались к экзаменам учащиеся, имеющие по поведению непременно пятерку. Проблем с поведением у фронтовиков-инвалидов, составлявших большинство класса, не было: к учительницам-ровесницам относились с благоговением, и за три года учебы не было пропущено ни одного урока, если не считать дня Победы.

Эту ликующую весть недавний боевой командир встретил до обидного в будничной ситуации – шагал по безлюдному берегу Чердымовки в комбинат бухгалтерских курсов. С улицы Театральной с криками «Победа!» выскочили, пританцовывая, два летчика, и завидев незнакомую, согнутую бабку, кинулись ее целовать. А в Хабаровске происходило что-то невиданное – все горожане, стар и млад, более 60 тысяч со всех концов, не сговариваясь, шли на площадь Свободы – плач, смех, объятия. Рокот самолетов. Победное гудение их моторов, вспыхнувшие в небе сотни разноцветных ракет, музыка оркестров. Ликование продолжалось до глубокой ночи.

(2000 г.)

Интернет-ресурс: екатерина-рудик.рф